

<https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2021-201-187-193>

V. V. Buturlova

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК СПОСОБ ЕГО ТВОРЧЕСКОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ

В статье рассматривается интерпретация мифологического текста в процессе литературного творчества школьников. Важность интерпретационной деятельности обусловлена ее основными функциями: образовательной, отвечающей за развитие когнитивной и коммуникативной активности школьника, и смыслообразующей, закрепляющей нравственные, этические, психологические смыслы, присутствующие в мифологических текстах. При этом в процессе интерпретации не обязательно полностью разбирать символический пласт и подтекст мифа. Восприятие глубинных смыслов может происходить и бессознательно, главное, чтобы сюжет был осмыслен и использован в дальнейшем речетворчестве.

Ключевые слова: интерпретация, смыслообразующая функция текста, мифологический текст, Бхагават-гита, дхарма, сочинение, литературное творчество.

V. Buturlova

INTERPRETATION OF A MYTHOLOGICAL TEXT AS A WAY OF ITS CREATIVE RE-THINKING

The article explores how students interpret mythological texts as part of creative writing assignments. Text interpretation is critical in learning due to its main functions. The first function is educational. It is responsible for the development of a student's cognitive and communicative skills. The second function deals with the formation of meaning, i. e., the consolidation of moral, ethical, and psychological meanings present in a mythological text. Interpretation does not require to provide a full-fledged analysis of the symbolic layer or the subtext of the myth. The perception of deep meanings may also occur unconsciously as long as the plot is perceived so that it can be used further in creative writing.

Keywords: interpretation, formation of meaning, mythological text, Bhagavadgita, dharma, essay, creative writing.

Сущность мифологических текстов, согласно постулатам филологии и культурологии, напрямую связана с особенностями сакральных текстов и «свойственной им многоуровневостью, парадоксальностью, иносказательностью, даже криптографичностью» [4, с. 6]. Зарубежные и российские мифологи (Дж. Фрезер, А. Ф. Лосев, Е. М. Мелетинский, М. Элиаде и др.) также указывают на сакральность мифологических текстов и выделяют связанные с этим особенности. В частности, речь идет о функции текста, отвечающей за закрепление в сознании но-

сителя языка определенных смыслов духовного характера. Поскольку данная функция, как нам известно, не выделялась ранее в отдельный вид, обозначим ее здесь как смыслообразующую.

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы рассмотреть смыслообразующую функцию мифологических текстов в свете герменевтического подхода, выявить, какие смысловые категории предлагают мифы и почему они могут быть актуальны в контексте их творческого переосмысления современными школьниками.

С точки зрения герменевтики литературное произведение обычно содержит несколько смысловых пластов. Однако мифологический текст представляет собой не просто многоуровневое произведение, построенное на апорийно-притчевой основе, которая через диалогическую активность открывается каждому реципиенту по-своему. Мифологический текст похож на сложный лабиринт, приоткрывающий те или иные смыслы по мере их доступности читателю, который проходит этот (текстовой) лабиринт своим, свойственным только носителю данного сознания, путем. При условии возвращения к новому прочтению мифологических текстов происходит его переосмысление, ввиду того что человеческое сознание постоянно меняется, расширяется, в него добавляются новые призмы. Ровно как один и тот же лабиринт человек может пройти разными путями, складывая непохожие узоры путевых линий, так же и мифологический текст каждый раз будет открывать слой за слоем новые смыслы.

Именно по этой причине переосмысление древних сакральных текстов (коиными, бесспорно, являются мифы) всегда будет актуально. Каждая отдельная личность, взятая в отдельный период времени, найдет свое понимание, свое, только этой личности присущее, восприятие и идейное содержание. Интерпретационная деятельность позволяет закрепить нравственные, психологические или эстетические смыслы в результате нового прочтения текста, поэтому интерпретацию мифологических текстов можно рассматривать как технологию смыслообразования. Под этим термином будет пониматься раскрытие смыслообразующей функции.

Рассмотрим в качестве примера несколько прочтений мифологического текста, повествующего о диалоге Арджуны и Кришны перед началом битвы на поле Курукшетры. Этот эпизод инкорпорирован в мифоэпическую поэму «Махабхарата» и известен как «Бхагавад-гита». Данный текст вызывал и до сих пор вызывает многочисленные споры между филологами, культурологами,

литературоведами, теософами, историками и др. Российский и советский индолог С. Д. Серебряный утверждает, что, поскольку «Бхагавад-гита» «оперирует сложными религиозно-философскими идеями и при этом обладает изощренной художественной структурой, интерпретирование ее вряд ли когда-либо сможет быть сочтено завершенным» [6, с. 294]. Именно поэтому «Гита» как нельзя лучше иллюстрирует возможности интерпретационной деятельности в рамках одного мифологического текста.

Прежде чем обратиться к разнообразию интерпретаций данного текста, будет уместным кратко, насколько это возможно, коснуться содержания беседы выдающегося воина Арджуны и его друга и наставника Кришны. Диалог двух героев начинается с отчаяния Арджуны, которому долг велит идти в бой против своих же родственников, чтобы защитить семью, лишенную средств к существованию из-за козней двоюродных братьев:

*Зловещие знаменья вижу, не нахожу я блага
В убийстве моих родных, в сраженьи, Кешава.
Не желаю победы, Кришна, ни счастья, ни царства;
Что нам до царства, Говинда, что
в наслаждениях, в жизни?*
[7, с. 231].

Внутренний конфликт долга перед своей семьей и привязанности к деду Бхишме и учителю Дроне, которые волей случая оказались на стороне противника, привел Арджуну к отчаянию. Любое действие кажется ему поражением: вступить в бой означает нарушить *дхарму* (санскр. *dharma* — долг, нравственная норма, закон морали) внука, *дхарму* ученика. Однако не вступать в бой будет означать нарушение *дхармы* воина, *дхармы* мужа, защитника семьи:

*Моя душа охвачена отчаянием.
Я уже не понимаю, что есть дхарма, — прошу тебя:
Что [из двух] лучше, достоверно скажи мне!
Я твой ученик — научи меня, к тебе прибегнувшего.*
[5, с. 304].

Кришна отвечает Арджуне, что тот запутался в «дхармах» и не понимает, какой долг важнее. В данной ситуации, что бы он ни предпринял, любое действие будет ошибочным, поскольку выход необходимо искать в изменении сознания и действовать только после этого. Важнейший принцип, который выводит Кришна в конце «Бхагавад-гиты», — это мысль о том, что необходимо искать спасения в Боге, «оставив все Дхармы» [3, с. 186], и именно в этом состоянии сознания, предавшись Высшему началу, Арджуне следует вступить в бой.

Таково одно из центральных посланий «Бхагавад-гиты», остающееся актуальным и по сей день. Оно призывает чуткого читателя оставить догматизм, бездумное исполнение долга, законов морали и вместо этого открыть Бога в своем сердце, научиться различать внутренний голос совести и следовать ему.

Таким образом, выше было кратко приведено основное содержание «Бхагавад-гиты», что позволяет перейти к рассмотрению различных интерпретаций данного мифологического текста учеными и философами. Толкованием «Бхагавад-гиты» занимались такие выдающиеся умы, как Абхинавагупта, А. Шанкара, Рамануджа, П. Йогананда, М. Винтерниц, Э. Ламот, Р. Зэнер, М. К. Ганди, В. Г. Эрман, В. С. Семенов, С. Ф. Ольденбург, С. Д. Серебряный, Б. Б. Гребенщиков и др.

Индийский мыслитель XIII–IX вв. А. Шанкара, считающийся первым комментатором «Гиты», понимал ее основное послание как призыв к интеллектуальному познанию Абсолюта. Индийский теолог XI–XII вв. Рамануджа, напротив, интерпретировал смысл «Гиты» как приоритет пути эмоционального постижения Высшего начала, что отразил в своем сочинении «Гита-бхашья».

Более современный интерпретатор «Бхагавад-гиты» П. Йогананда интерпретирует основную суть этого мифологического текста как призыв отказаться от эгоизма, сформировавшегося посредством невежества, и сосредоточиться на нематериальных, духовных

ценностях. Исследователь отмечает, что «Гита» имеет тройственное прочтение: историческое, психологическое и духовное. Вневременная «весть Бхагавад Гиты» относится не только к одной исторической битве, но к космическому конфликту между добром и злом: жизни, как серии сражений между Духом и материей» [2, с. 44], а также знанием и невежеством, здоровьем и болезнью, самоконтролем и искушениями, разумом и слепым чувственным умом. Поэтому битва на поле Курукшетры, по словам философа, происходит и по сей день в ее символическом толковании — в сердцах и умах всего человечества.

Известный австрийский востоковед и санскритолог М. Винтерлиц в своем монументальном труде «История индийской литературы» предполагает, что «Бхагавад-гита» изначально была древнейшим сакральным текстом, инкорпорированным в «Махабхарату» в более поздний период. Кардинально противоположную оценку этого мифологического текста можно найти у Й. ван Бюйтена [6, с. 293], который приходит к выводу о том, что «Гита» является философской кульминацией «Махабхараты», призванной разрешить «дхармическую дилемму» через беседу двух выдающихся героев.

По утверждению С. Д. Серебряного, «содержание этой беседы — своего рода “божественное откровение”» [6, с. 291], а значимость ее в индийской культуре так велика, что поэму стали воспринимать как текст, содержащий суть упанишад (сокровенных наставлений), и тем самым «Гита» обрела статус, близкий к статусу шрути (*канон священных текстов индуизма*)» [6, с. 291].

Приведенные выше немногочисленные примеры иллюстрируют, насколько многогранной может быть интерпретация одного и того же мифологического текста и какие разные смыслы можно выделять внутри него. Различная трактовка обусловлена, в первую очередь, теми индивидуальными психологическими призмами, структурой личности, ее взглядами, прожитым опытом, через которые

пропускается текст. Соответственно, смыслы, образующиеся после прочтения литературного произведения, напрямую зависят от личности интерпретирующего. Именно поэтому толкование мифологического текста (и мифологического сюжета в частности) всегда будут актуальны в контексте творческого переосмысления, подразумевающего обращение ко вторичным жанрам.

Под вторичным жанром здесь будет рассматриваться продукт речетворчества школьника, основанный на виде интерпретационной деятельности, оперирующей конкретным мышлением (восходящим от абстрактного к конкретному). Однако прежде чем углубиться в проблематику литературного творчества, необходимо коснуться основных видов интерпретации мифологических сюжетов. Речь пойдет о сюжетах, не текстах, поскольку запоминается и интерпретируется именно сюжет, который также может быть творчески переосмыслен, что делает его основой для литературной деятельности обучающегося.

Интерпретация мифологического сюжета в самом широком смысле данного явления делится на два вида:

- 1) гиперонимическая;
- 2) гипонимическая.

Гиперонимическая интерпретация подразумевает уровень теоретического обобщения как результата абстрагирования, когда при прочтении текста ученик выводит его основную идею или мораль (вспоминаем из школьной программы И. А. Крылова: «мораль сей басни такова»). Это всем знакомое учебное действие, встречающееся на уроках словесности.

Большой интерес для данного исследования представляет *гипонимическая интерпретация*, которая относится к уровню конкретизации. Другими словами, в процессе осмысления первичного текста реципиент соотносит прочитанное с личным опытом или связывает с конкретной жизненной ситуацией. При этом подразумевается восхождение от абстрактного, то есть морали про-

изведения, к конкретному — собственному опыту. Оперирование данным видом интерпретации относится к высокому мастерству владения навыком толкования и подразумевает владение такими учебными действиями, как: выделение ключевых слов, выделение сюжетных ходов, определение смысла текста, формулировка собственной позиции, аргументация, соотнесение основной идеи текста с конкретным жизненным опытом.

Зачастую ученик средней школы не обладает достаточным личным опытом, чтобы подобрать корректный пример в процессе гипонимической интерпретации. В таком случае, как было упомянуто выше, подбирается реальная жизненная ситуация из, например, исторического контекста:

«Размышляя о ситуациях, в которых человек испытывает чувство страха, особенно о случаях настоящей опасности, я вспоминаю героев Великой Отечественной войны. Миллионы наших сограждан прошли через невероятные опасности, испытали страх за свою жизнь, жизнь детей и родителей, столкнулись с возможностью прерывания рода, уничтожения страны. На ум приходит пример доблести Николая Францевича Гастелло...» (Иван, 7 класс).

Результат творческой интерпретации мифологических сюжетов предполагает обучение именно гипонимическому виду интерпретации, призванному развивать рефлексивность обучающегося, формировать собственную художественную концепцию и определять способы ее реализации в ходе создания вторичного текста.

Жанровое разнообразие вторичных текстов может быть типизировано двумя направлениями:

- 1) комментаторское;
- 2) индивидуально-творческое.

Ко вторичному жанру комментаторского направления можно отнести такие виды текстов, как сочинение, рецензия, эссе, изложение. К «индивидуально-творческому» — литературное творчество, включающее в себя создание по мотивам первичного текста сказ-

ки, рассказа, романа, басни, стихотворения и т. д. Для школьной практики наиболее уместной будет краткая прозаичная форма, поскольку у учеников чаще всего не возникает с ней никаких трудностей. К сожалению, к данному виду работ редко обращаются на уроках словесности, потому что процесс создания литературного произведения на основе интерпретации первичного текста — это трудоемкая работа, отнимающая время от школьной программы. Тем не менее такая учебная практика обращается к эмоциональному восприятию ученика, его личному опыту, приводит к рефлексии над творческим процессом через постановку художественной задачи и поиска приемов ее реализации.

Ниже приводятся примеры подобной работы. На уроке литературы в 7 классе разбирался миф «Похищение Европы» в редакции Н. А. Куна, после чего ученикам было предложено интерпретировать данный текст в любом понравившемся формате, который был освоен ими ранее в процессе обучения приемам литературного творчества. Первый пример представляет собой сочинение-рассуждение (комментаторский тип интерпретации):

«Я прочитала миф “Похищение Европы”, в котором рассказывается о Европе, дочери финикийского царя Агенора. Молодая царевна собирала с подругами цветы, когда ее похитил Зевс. Для этого хитрый бог принял вид прекрасного быка. Любопытной Европе так понравилось животное, что она решила его оседлать. В этот момент бык вскочил и помчался к морю.

Этот сюжет получил большую популярность у художников. Переплывающего море быка с прекрасной девушкой на спине можно увидеть на картине В. Серова “Похищение Европы” и на одноименной картине Рембрандта. Я считаю, эта история волновала умы великих творцов не просто так. В истории Европы и Зевса, прикинувшегося быком, мы видим реальную традицию восточных народов — похищение невесты. Я не знаю, почему могучему богу пришлось

идти на этот шаг. Мне он кажется завидным женихом, но, может быть, родители Европы так не думали и не были согласны на брак. Если говорить о самой царевне, она, как я понимаю, довольна ситуацией. Конечно, для приличия девушка протягивала руки к подругам, “звала их на помощь”. Но в мифе не говорится, что она ругала быка или пыталась спрыгнуть с его спины. Думаю, Европа была не так глупа, и всё понимала. Ей нравилась перспектива замужества за влиятельным и богатым мужчиной: “Европа стала женой Зевса, и жила она с тех пор на Крите”. А еще у них родилось трое сыновей.

Мне кажется, это прекрасный миф, который актуален и сейчас. Можно сделать вывод, что девушки на самом деле не так просты, как может показаться. Хотя, я думаю, было бы лучше, если бы родители всё-таки одобряли браки с самого начала и молодым не приходилось прибегать к таким экстремальным мерам».

Другим вариантом ученической интерпретации исходного мифологического текста является журналистская заметка. Она представляет собой смежный тип интерпретации, поскольку, с одной стороны, комментируется известный мифологический сюжет, но с другой стороны, привносится и творческое начало. В работе ученицы изменен хронотоп события, и происходящее приобретает современное звучание:

«Скандальное событие произошло в Греции: неизвестный мужчина похитил дочь местного влиятельного чиновника, переодевшись быком.

Вчера девушку, собиравшую гербарий в отчужденной сельской местности, при свидетелях похитил мужчина. Для этого он переоделся в быка и втерся в доверие к потерпевшей, чтобы увести наивную девушку.

Позже стало известно, что происшествие было спланировано самой пострадавшей. Девушка и ее тайный возлюбленный

разыграли похищение, поскольку их союз не одобрял буржуазный отец невесты».

Третья работа относится к индивидуально-творческому типу интерпретации. Переосмысливая сюжет первичного текста, ученик создал собственный рассказ, в котором прослеживается влияние современной поп-культуры, а также муссируемые в подростковом сообществе популярные темы и идеи:

«Дикий запад 3021 года был очень опасным местом. Разбогатевшие на биткоинах фрейера бороздили пространство интернета, перекрывая трафик всем нежелательным пользователям. Таким нежелательным пользователем для местного авторитета Агенора Ашотовича был влиятельный трендсеттер и настоящий гангстер — Фиксай. И их бы дороги никогда не пересеклись, если бы не лето на Крите 3021 года...

Фиксетта проснулась от тревожного сна. Ей снилось, что за нее борются два материка. Чтобы прогнать неприятное ощущение, дочь Агенора Ашотовича отправилась в топовое среди инфлюенсеров место паломничества — своего рода женский Афон, где возрождали традиции предков: поклонение Земле, единение с Природой, сбор цветов и трав.

Конечно же, девушки вели онлайн трансляцию события, и произошло то, чего никогда бы не могло случиться в реальной жизни. Фиксай увидел Фиксетту. В тот же момент его самообладание было потеряно. Сердце выскакивало из тела, и он принял странное решение.

Трансформировавшись в быка привычной дозой нано-джета (последняя разработка компании Apple), Фиксай предстал перед девушкой. Фиксетта была в восхищении. И когда бык заговорил человеческим голосом и предложил ей прокатиться на его спине, она приняла предложение. Через несколько лет влюбленные переехали на Марс и сыграли свадьбу там, поскольку отец Фиксетты так и не смог принять союз дочери с хайповым трендсеттером».

Приведенные выше примеры ученической интерпретации в полной мере являются творческим переосмыслением мифа. Интересно наблюдать, насколько разные вторичные тексты создают школьники и как увеличивается творческая составляющая интерпретации от первого примера к последнему.

Обращение к вторичным текстам как виду учебной деятельности невозможно переоценить. Умение мыслить, анализировать, выражать себя напрямую связано с опытом речетворчества, поэтому так важно, чтобы подобные виды работ сохранялись в школьной практике (независимо от образовательных реформ). В ходе написания сочинения, очерка, сказки, рассказа у школьника иницируется когнитивный анализ первичного текста, происходит эмоциональное вовлечение в поставленную творческую задачу, развиваются коммуникативные навыки за счет поиска путей ее решения, активизируются теоретические знания и переводятся в практический опыт интерпретации.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что интерпретационная деятельность как способ творческого переосмысления несет в себе несколько ключевых функций. Во-первых, как методологический инструмент она позволяет развивать коммуникативные навыки обучающегося, а также его творческую и когнитивную активность. Во-вторых, как смыслообразующая технология она позволяет закрепить нравственные, психологические или эстетические смыслы, присутствующие в мифологических текстах. При этом в процессе интерпретации не обязательно полностью раскрывать подтекст мифологического текста, разбирая его символику. Восприятие глубинных смыслов может происходить и бессознательно, главное, чтобы сюжет был осмыслен и использован в дальнейшем речетворчестве.

Мифы как предмет творческого переосмысления обучающимися остаются актуальными, поскольку предлагающиеся ими смысловые категории выражают этический пафос, то есть апеллируют к морально-

нравственному началу. В частности, древнеиндийские мифы провозглашают триумф морали над безнравственностью, возвращают к извечным вопросам о поиске себя и своего предназначения (*дхармы*) в этом мире. Из этого следует, что интерпретация (как в гипонимическом, так и гиперонимическом виде) мифологических текстов

и их творческое переосмысление являются своего рода неструктурным методом формирования нравственного компонента личности ребенка. Поэтому обращение к данному приему на уроках словесности, на наш взгляд, следует стать неотъемлемым компонентом образовательного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абхинавагупта*. Гитартхасанграха. М.: Ганга, 2008. 99 с.
2. *Йогананда П.* Бхагавадгита. Беседы Бога с Арджуной. М.: София, 2015. 1232 с.
3. *Каменская А. А., Манциарли И. В.* Бхагавад-Гита или Песнь Господня. М.: Nobel Press, 2020. 192 с.
4. *Полтавец Е. Ю.* Мифопоэтика «Войны и мира» Л. Н. Толстого. М.: Ленанд, 2015. 224 с.
5. *Семенов В. С.* Бхагавадгита в традиции и в современной научной критике. М.: Восточная литература, 1991. 232 с.
6. *Серебряный С. Д.* Многозначное откровение «Бхагавад-гиты» // Махабхарата. Книга шестая. Бшмапарва, или Книга о Бхишме / Под ред. В. Г. Эрмана. М.: Ладомир; Наука, 2009. С. 291–335. (Литературные памятники).
7. *Смирнов Б. Л.* Махабхарата. Выпуск VII. «Книга о Бхишме». Ашхабад: Изд-во академии наук Туркменской ССР, 1955. 340 с.

REFERENCES

1. *Abhinavagupta*. Gitarthasangraha. M.: Ganga, 2008. 99 s.
2. *Yogananda P.* Bhagavadgita. Besedy Boga s Ardzhunoy. M.: Sofiya, 2015. 1232 s.
3. *Kamenskaya A. A., Mantsiarli I. V.* Bhagavad-Gita ili Pesn' Gospodnya. M.: Nobel Press, 2020. 192 s.
4. *Poltavets E. Yu.* Mifopoetika "Voyny i mira" L. N. Tolstogo. M.: Lenand, 2015. 224 s.
5. *Sementsov V. S.* Bhagavadgita v traditsii i v sovremennoy nauchnoy kritike. M.: Vostochnaya literatura, 1991. 232 s.
6. *Serebryanj S. D.* Mnogoznachnoe otkrovenie "Bhagavad-gity" // Mahabharata. Kniga shestaya. Bshmaparva, ili Kniga o Bhishme / Pod red. V. G. Ermana. M.: Ladomir; Nauka, 2009. S. 291–335. (Literaturnye pamyatniki).
7. *Smirnov B. L.* Mahabharata. Vypusk VII. "Kniga o Bhishme". Ashhabad: Izd-vo akademii nauk Turkmenskoy SSR, 1955. 340 s.